

Сергей ШУЛАКОВ

Москва

Внутреннее отшельничество Дмитрия МИЗГУЛИНА

В предисловии к одной из подборок Бродского англо-американский поэт Уистен Хью Оден — его называли одним из крупнейших англоязычных лириков XX века, — приблизился к определению понятия современного стиха: «От стихотворения требуются две вещи. Оно должно быть, во-первых, хорошо сработанным словесным объектом, делающим честь языку, на котором сочинено. И во-вторых, говорить что-то существенное о реальности общей для всех, но увиденной собственными глазами. Поэт говорит то, что прежде никогда не говорили, но как только он это произнес, читатели признают значимость сказанного лично для себя». Суждение, хоть и в целом верно, но довольно прагматично: а почему же читатели признают личную значимость сказанного поэтом? Где в этом определении волшебство, которое позволяет каждому органично присвоить поэтическое высказывание себе? Что ж, давайте подойдем к поэзии прагматично, как учит нас злоба дня. Вот что, среди прочего, нравилось Одну у Бродского: «Огонь, ты слышишь, начал угасать, / А тени — по углам зашевелились. / Уже нельзя в них пальцем указать, / Прикрикнуть, чтоб они остановились...»

А вот Дмитрий Мизгулин, стихотворение, включенное в новейший сборник «Друзьям»:

Снежные сумерки тают.
Звездная даль высока.
Сердце мое остывает,
Как остывает река.

Стынет волна под шугою,
Льдом безвозвратных потерь.
Близкое и дорогое
Стало ненужным теперь.

Заледенеют печали,
Заиндевет река,
На опустевшем причале
Будет утрата легка.

Благоговейно внимаю
Шепоту стынущих вод...
Я успокоился. Знаю:
Скоро и это пройдет.

Хорошо ли «сработано» стихотворение? Несомненно. Выразительные средства нарочито скромны, что характерно для значительных произведений русской поэзии. Условно «простыми» словами говорится очень многое. Видит ли поэт реальность, общую для всех? Конечно. И буквально, и символически. Очень многие видели ледостав на большой реке, испытывали схожие чувства отрешенности, холодного успокоения. Передавал ли кто-либо эти чувства именно так, спокойно, как-то неотвратимо, не оставляя возможности сопротивляться мысли и настроению поэта? Никто и никогда. Может показаться, что за строчками маячит смерть: «Сердце мое остывает, / Как остывает река». Но перед нами все же сильная личность, способная остро почувствовать, но преодолеть холодок предвидения. Мало кому удавалось бесстрастно констатировать: «Близкое и дорогое / Станет ненужным теперь». Двумя словами создать красивый образ, еще двумя — настроение: «На опустевшем причале / Будет утрата легка»...

Сборник «Друзьям» оформлен сдержанно, но изысканно. Поэтам обычно нелегко принять версии воплощения своих произведений: в голове, на бумаге, на которой второпях, с помарками, записаны строчки, стихи для автора выглядят обычно правдоподобнее, ближе к задуманному. Многие современные поэты готовы на все — лишь бы издали... Дмитрий Мизгулин всегда щепетильно подходит к своим изданиям, это касается и сборника «Друзьям», и более раннего трехтомного собрания.

Стихи малого сборника напряженно сжаты психологической пружиной. Так, что даже страшновато становится. Трехтомник более обширен, и потому включает стихи, отражающие разные грани дарования Дмитрия Мизгулина. Поэт переживает из-за случившегося между братскими славянскими народами кровопролития, его искренне беспокоит тоталитарное господство индивидуально-практических устремлений, отчетливы православные мотивы, что логично для человека, прадед которого и еще два поколения вглубь были священниками: «Когда все валится из рук, / Когда душа скорбит в тревоге, / Тогда мы как-то сразу, вдруг / Задумываемся о Боге...» Есть остроумные: «Люблю единственно — балет! / Там только музыка и танец, / И будь ты трижды иностранец, / Ты все поймешь, купив билет...»

Если Мизгулин-романтик свободно чувствует себя в пространстве русской пейзажной лирики, то Мизгулин-модернист уверенно прокладывает собственный путь в коллажной стихии личных переживаний, точнее, их фрустрации, замирания:

Зима — и слава Богу,
Живу — и глух, и нем.
До города дорогу
Позанесло совсем.
Сижу один на даче,
Закрыв входную дверь. —
Пускай стучит удача!
Зачем она теперь?
Зачем мне бизнес-сводки,
Ничтожность тем и схем:
Мне нынче даже водки
Не хочется совсем.
Развеялись сомненья
В Рождественской тиши,
Ненужные стремленья
Мятущейся души.
Ни зрелища, ни хлеба;
Уже по горло сыт.
Насквозь промерзло небо,
Бездонностью сквозит,
И так легко и просто,
И снег валит стеной,
И ангелов штук по сто
Летают надо мной...

В кои-то веки мы имеем дело с героем, который, кажется, достиг примерно того, чего хотел, и размышляет, на что бы потратить вечность. В других стихах, не менее энергичных, появляются схожие с Серебряным веком мотивы. Классические, издавна лелеемые цели поэзии словно превращаются в свою противоположность. «Пора остановиться / И для себя пожить — / На лыжах прокатиться, / Да баню истопить. Сжимаю терпкий веник / И жар кипит в груди. / Не надо мне ни денег, / Ни счастья, ни любви...»

Признаки своего рода отшельничества были заметны и раньше:

Ночь бездонна, мерцает луна,
Я тоску свою выпил до дна,
До звезды дотянулся рукой
И обрел долгожданный покой.

Все растаяло в сумрачной мгле,
Никого на промерзшей земле...
И объяла весь мир тишина.
И в ночи индевет луна...

Поэт упаковывает своего героя в плотные драматические пелены и оставляет, и остается с ним, в спокойном и безмятежном, но холодном космосе.

Но все чаще звучит нота предела, так бывает, когда рябь чистого ручья превращает камешки на дне в драгоценности на бархате песка. Вот она, твердь, основа, которую можно осязать. Прибавляется элемент фатализма: «Жизни коромысло / Шаткое — ташу. / Стало меньше смысла / В том, что я ищущий...», «Писать стихи — обуза...»

Обращенность к себе знаменует границу, за которую читателю не зайти. «Ты живешь, как будто в сутках / Двадцать пять часов. / Закрывай хоть на минутку / Душу на засов». Не то чтобы нам очень уж хотелось сунуть нос в личное пространство поэта. Но когда перед нами с безупречной вежливостью, изысканным жестом закрывают дверь, это трудно не заметить. Остается тактично уйти, унося с собой ощущение горящего за дверью, в роскошном камине, или послевоенной печке-буржуйке, яркого огня, которого не затушить опасностям и неустроенностям окружающего мира.

Утверждение о том, что поэт должен, прежде всего, хорошо писать стихи, знать размеры — аксиоматично. Дмитрий Мизгулин период ошибок стихосложения давно пережил — если таковой период у него вообще был — стихи как таковые свидетельствуют о зрелости. И все же издаются сборники, встречаются поэты, в творчестве которых значительную часть читательского внимания принимают на себя концептуальные решения, или, может быть, какие-нибудь психологические изыски. Концепцией мироощущения Дмитрия Мизгулина часто выступает разочарование в том, что принесла новая действительность.

Не то чтобы поэта тянет в прошлое, в реальность советского времени — вовсе нет. Просто чувствуется, что сегодня угрозой, словно сквознячком, тянет не оттуда, откуда тянуло в 1980-е. Современная действительность не оправдала надежд. «Делим шумно квоты, / Морщим мудро лбы, / Напугать кого-то / Нам хотелось бы...» То же происходит и с литературой, причем без посторонней помощи идеологии или цензуры: обветшали словеса, мумифицировались стили, покосились фотопортреты некогда запрещаемых и гонимых корифеев. Отсюда неожиданное лирически-метафорическое пейзажное стихотворение:

Что может быть хуже весны.
В грязи утопает дорога.
Оттаяли мысли и сны.
В душе поселилась тревога.
...
Оставила душу зима...
Легка, как небесная милость,
Где даже полночная тьма
Промерзшая, насквозь светилась...

В последней приведенной строчке важно, где стоит запятая, поэт считает нужным поставить знак препинания после слова «промерзшая», и выходит, что глухая и зловещая тьма, какой она представлялась ранее, оказывается, светилась таинственным, хоть и холодным светом, изнутри, «насквозь».

Сильный, кажущийся парадоксальным образ, который — и всего лишь он один — делает безапелляционные наши разговоры о потемках прошлого двусмысленными и легковесными.

Найдется среди стихов Дмитрия Мизгулина и стильная лирика, стремящаяся, словно вопреки воле поэта, склеить осколки прошлого.

Не имени не помню, ни лица,
А только помню — осень, ветер, дождь.
Я долго ждал у твоего крыльца,
Надеясь, что ты все-таки придешь.

Насквозь промокли кепка и пальто,
Как будто слышен чей-то разговор...
А было ли на самом деле то,
О чем я вспоминаю до сих пор?

Навеки наши разошлись пути,
А я гляжу в немую темноту,
И надо бы очнуться и уйти,
А я все до сих пор чего-то жду...

В поздних стихах много разочарования: «Жизни коромысло / Шаткое — ташу. / Стало меньше смысла / В том, что я ищу...». В этой философской констатации — невозможность вернуться к себе прежнему. Пожить бы, как раньше, водворить бы былые смыслы в предметы поисков — да нельзя.

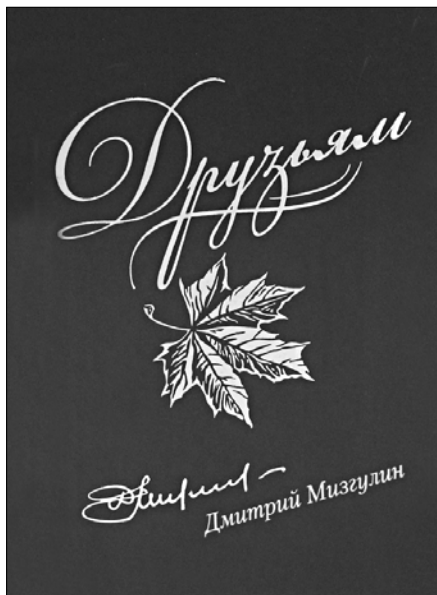
У Дмитрия Мизгулина есть еще один распространенный мотив — осознание недостойности спасения, но надежды на него. «Сокрушает жизни битва, / Но спасает вновь и вновь, / Нерадивая молитва, / Бестолковая любовь». Этот мотив «нерадивой» молитвы, тщеты, побеждаемой надеждой, встречается и в других стихах, вызывая ассоциацию со знаменитым стихотворением Баратынского: «Мой дар убог, и голос мой не громок, / Но я живу, и на земли мое / Кому-нибудь любезно бытие...» Это не кокетство, не бравирование самоуничижением паче гордости. В обоих случаях слышно рациональное, если не критическое, чуть-чуть ироничное отношение к бытию как таковому и своему собственному в отдельности.

О неповторимости и вместе с тем универсальности поэзии Дмитрия Мизгулина говорит его исключительная способность различать в обыденных физических вещах и явлениях тайные знаки, предзнаменования. «Тает ночь, ускользя как тень, / Начинается сумрачный день... / Я во сне не летаю. Боюсь, / Что на землю уже не вернусь...»

Сборник «Друзьям» завершается стихами едва ли не пугающей мощи. Автор этих строк, возможно, предпочел бы несколько ироничных слов напоследок, может быть, анекдот — Дмитрий Мизгулин в своей поэзии бывает весьма находчив и остроумен — от которого останется легкое, духотподъемное настроение. Но поэт впечатывает с силой, и всеведением, как умел в прозе Булгаков: «Помни, как по вечной Иудее, / Смертнюю тоскою опален, / Шел Иосиф из Аримафеи / К Понтию Пилату на поклон».

В стихотворении говорится о том, как Иосиф Аримафейский искал возможность похоронить Христа. Надобно иметь завидную силу духа, чтобы на 40-м году поэтического творчества помышлять и настойчиво напоминать читателю о конечности жизни земной и о жизни вечной.

Поэзия Дмитрия Мизгулина в целом безинтерьерна, иногда мы видим трибуну, на которую вскарабкался какой-нибудь несчастный политик, банный полок, комнату, в которой горит огонь... Эта поэзия обращена во внутренний мир и исходит из него. Видали мы внутренние миры уютней — Фет, даже Иннокентий Анненский. Здесь же — блоковская интеллектуальная аналитика, поэт хорошо отдает себе отчет в происходящем с ним и окружающими. Пространство его внутреннего мира наполнено иконическими знаками, вполне позволяющими узнавать и сравнивать предметы и краски, но без неуместного торга, самой изощренной полемики — только подчиняясь взгляду автора. Слово уходящий гость, мы окидываем взглядом это пространство, надежно отграниченное от «общественной», «площадной» поэзии, от влияний и заимствований, устойчивое и свободное.

Сергей ШУЛАКОВ — писатель, литературовед, переводчик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, специальность — литературная критика, семинар Гусева В. И.

Литературный редактор исторического альманаха «Кентавр», главный редактор журнала и интернет-сайта «Сельская молодежь» издательства «Подвиг».

Автор исторических романов и повестей «Владислав Дракула» и «Господарь Молдовы», «Победитель», «Меч святого Бориса», «Рождество в Будапеште», «Генерал Турчин» и др. Автор мистическо-детективных повестей о следователе страховой компании Максиме Сомове.

Публиковался в широком круге изданий: «Книжное обозрение», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Москва», «Независимая газета», «Новый мир», «Наш современник», «Русский колокол», «Российская газета», «Культура» и другой центральной и региональной прессе.

Член Союза журналистов России, Международной конфедерации журналистов, Московской организации Союза писателей России.